

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Завтра — к директору!

Я воспитываю сына один, без жены. Мать Андрюшки и сейчас, верно, валяется в чьей-то постели. Я отсудил у нее Андрюшку еще тогда, в самом начале, и с тех пор нам с ним весело... Нет, мы отлично понимаем друг друга! Я и Андрюха — лучшие дружбаны. Мы и во все игры режемся вместе, если я успеваю. Но в коллективе Андрюху не понимают. Еще когда он был в детском саду, пошли проблемы, а как в школе оказался — я и забыл, что такое спокойные вечера. Все на него жалуются, как перебесились просто, будто мой Андрюшка — маньяк какой-то, а не нормальный пацан.

Особенно достает эта его Ксения Эдуардовна. Парень уже в четвертом классе, уже свои мозги есть, а она все придалбывается к нему, «поговорить» оставляет, в душу лезет... Пусть лучше сделает так, чтобы в ее классе Андрюшку нормально понимали, и девки не ябедничали на него на каждом уроке! Дисциплинка, тоже мне. Только и покою Андрюшке, что дома.

Приходит домой, как в бункер спастись, мыслимое ли дело?

Вот и сейчас: принес дневник, а там — нервным дамским почерком: «Завтра — к директору! С отцом!» Я такой почерк куриным называю...

Специально хотел не пойти: что я, в самом деле, мальчик, что меня на ковер вызывают? Но потом все-таки решил: пойду. Расскажу этому директору все по понятиям. Если нормальный мужик — должен понять...

***

Пришел. Стучусь в дверь с табличкой: «Директор школы №. 13 Маленко К. Э.» Констатин Эдмундович, что ли?..

— Войдите! — раздается писклявый голос, и я раскрываю дверь.

За столом сидит девиццо. Красивое, черт подери, давно таких не видел: морда — персик, глазки черешнями... Вся — как наливной плодик, свежий и вкусный до щекотки. И светлые волосы завитками. Откуда она тут взялась, думаю я. Для училки — малявка еще: лет двадцать максимум, и то, если накрасится. Секретутка, что ли? Да нет, вроде ж сидит в предбаннике старая крыса в очках... Видно, родственница директору, племяша или кто; а очень может быть, что и обожаемая доця...

— Солнышко, — говорю, — будь здорова, а где директор? — Директор? — она так переспрашивает, и смотрит на меня, как солдат на вошь. И густо краснеет. — Ну да, директор, терпеливо объясняю я. — Маленко Ка Э. Ты читала вывеску на дверях, когда входила сюда, радость моя? — Чи... читала.

Гримаса на пунцовом личике вдруг перешла в улыбку, такую славную, что... эх! Но улыбка тут же стерлась, будто ее выровняли утюгом.

— Читала. Маленко Ка Э — это я. Я — директор. И... у нас принято обращаться к директору несколько иначе. Не «солнышко» и не «радость», а Ксения Эдуардовна. И желательно на вы. Если получается...

На личико-персик снова вернулась улыбка — до того обалдевший, видно, у меня был вид.

— Ааа... эээ... Значит, это ты... вы... та самая Ксения Эдуардовна? А сколько же... вам лет? — Столько, сколько есть. Да, я Ксения Эдуардовна, не знаю только, та самая или не та. А с кем имею честь? — Эээ?.. — Кто вы?

Блин, вот попал! Такой дурацкой ситуации у меня еще не было. Я еле сдерживался: было

очень трудно называть это чудо в перьях Ксенией Эдуардовной. Хотелось потрепать ее по пунцовой щечке, хотелось взъерошить ей кудряшки, да и... чего там говорить!

Запинаясь, я объяснил, кто я такой и зачем пришел.

— ... Нет, «просто Валерой» вы будете, когда выйдете из школы. Так как вас по отчеству?...

Итак, Валерий Петрович... а где Андрюша? — Он приболел. Вчера еще носом шмыгал. Я решил его не таскать. А что, по вашему, он должен... — И правильно решили. Пусть поправляется; а мы с вами прекрасно пойдем друг друга, я уверена. Валерий Петрович...

Она встала и начала ходить по кабинету. Я продолжал стоять: она забыла усадить меня. Голос у нее дрожал, хоть она изо всех сил старалась быть строгой и внушительной:

— Нам нужно поговорить. О вашем мальчике. Понимаете, он... Он ведь у меня, я веду его класс, 4А. И вот... Он проявляет себя странно. Очень агрессивный. Особенно к девочкам. Хоть он не такой, ведь я вижу. Знаете, как дети... особенно в этом возрасте: влюбился — дернул за косу... Но что-то заставляет его целенаправленно мучить девочек, делать им гадости. Просто до садизма доходит...

— Э! Вы тут мне не рассказываете, — перебил я...

— Не перебивайте, пожалуйста. Дослушайте меня. Я пыталась поговорить с ним. Он странный. Он не идет на контакт. Вначале он вообще не хотел со мной говорить. Просто сидел и молчал. Но потом я разговорила его. Чуть-чуть. И он сказал мне, что все девки суки, и он их ненавидит. Я... я повторяю дословно то, что говорит ваш сын. Вы понимаете меня? Откуда у него такой настрой? Что вы на это скажете?

— А то скажу, Ксения Эдуардовна, радость моя, — говорю я, — что я не люблю, когда на моего сына вешают всяких слонов. Будто я его не знаю! Вы из него прямо какого-то маньяка делаете! Что он вам сделал?

— Ну как же вы!... Я же с вами поговорить хочу. О вашем ребенке! Я ведь тоже за него переживаю, они все мне как родные, он и мой тоже чуть-чуть...

— Э нет, вот это не надо! — Тут меня зло взяло, не знаю, прямо взбесился. Стоит тут, понимаешь, в дочки мне годится, великое цабэ, «директора» из себя корчит... — Вы его воспитывали? Вы нянчили его? Памперсы меняли? Вот и не надо! У самой дети будут, тогда поймешь, что к чему!

— Не... не смейте со мной так! Ну что вы за человек! Вы... — в ее голосе уже звенели слезы, хоть она и старалась изо всех сил. — Вы что, не понимаете, что это все не случайно? Вам же человека воспитывать, не игрушку, а человека! Маньяка, говорите? А откуда маньяки берутся, вы думали? Думали?!

— На надо учить меня, как воспитывать моего сына! Учит меня! Да что ты знаешь об этом? Рассказала свои буковки-цифирки, и все, домой? Да тебе еще... Да ты...

Я замолк, потому что Ксения Эдуардовна вдруг упала на стул и разревелась.

Женских слез я не выношу. Я не знаю, что с ними делать. Когда женщина плачет, я чувствую себя и дураком, и кучей дерьма одновременно.

— Ну... ну что ты... ну что вы, Ксения Эдуардовна? Ну... погорячились малость, ну с кем не бывает? Вы это... не сердчайте, если что не так... Ксения Эдуардовна!

Она всхлипывала так горько, что я не выдержал и подошел к ней.

Ревела она точно, как маленькая девчонка: хлюпала носом и размазывала все, что можно, по лицу.

— Ну... ну простите... прости меня, пожалуйста! Я не хотел тебя обидеть. Ну... вот уже всю

красоту размазала. Ксения Эдуардовна!... Хотите, я на колени встану?

Я и в самом деле взгромоздился на колени.

— Ну что вы... ну как же... Простите меня, я не хотела... Я... я... — Она кинулась поднимать меня... и мы впервые прикоснулись друг к другу.

Не знаю, что это было: будто искра какая-то... Вроде ничего не изменилось, но... она уже не была Ксенией Эдуардовной. Она была несчастным существом, плачущим рядом со мной, вот тут, совсем близко... Дистанция между нами куда-то исчезла, и я тронул Ксению Эдуардовну за плечо. Она не отпрянула, и я легонько обнял ее. Мне очень хотелось утешить ее...

Лучше бы я этого не делал. Почувствовав тепло, Ксения Эдуардовна вдруг ткнулась мне в плечо — и разревелась вдвое сильнее. Ошеломленный, я обнимал ее, гладил по спине, по голове, шептал ей какую-то хрень, — а она бормотала сквозь слезы:

— Го... говорила мне мама: «Ксюшка, не иди в директора! Они тебя там сожрут все!» А я... я дура, я думала, что меня тут все люююююют!... Любимая ученица!... И выбрали ведь, не навязывалась... Как Иван Христофорыч умер, так никто не хотел, все только меня предлагали. «Талантливая наша, перспективная»... А я только второй год тут... Думала: раз предлагают — будут любить, поддерживать... А всем на все наплеваааааать!... На детей наплевать, на все! И на меня орут, как на шавку какую... За школьницу принимают, говорят: «ты из какого класса такая, вся из себя?» А мне уже двадцать три... Гэээээээээ!..

— Не надо, ну не надо, Ксюш, — гладил ее я. — Не надо. Я уверен, ты отличный директор. Видела, как я тебя испугался? У тебя очень солидный вид...

— В управлении меня это... Как со шлюхой какой-нибудь... Или орут, издеваются... Родители с дерьмом мешают... Ты думаешь, у меня сердце не болит за твоего Андрея? Думаешь, меньше болит, чем у тебя?

— Ну прости меня, Ксюш, я был неправ. Простишь?

— Не знаю... Гэээээээээээ!..

Новая порция рева была уже невыносимой. Позабыв о приличиях, я сгреб Ксению Эдуардовну, несчастную девочку Ксюшу, — и стал покрывать поцелуями заплаканные щечки, а потом и лоб, и ушки, и шею...

Мой порыв был неожиданным и для меня, и для Ксюши.

Наверно, поэтому она не оттолкнула меня сразу... а через секунду уже было поздно. Уже поцелуи были уместнее слов, и Ксюша подставлялась мне, и запрокидывала головку, и я чувствовал, как стремительно тону в ней, как в горячем водовороте. Ксюшенька пахла тонкими духами, как ландыш...

— Ксюша... Ксюшенька... Ну не надо... Ты же славная... Ты замечательная... Ты чудная такая девочка... талантливая... красивая... Ты же чудо... Не плачь, Ксюшенька... — говорил я ей, обцеловывая нежную кожу, соленую от слез. Ксюша уже не всхлипывала, а только шумно и часто дышала — тем чаще, чем сильнее я целовал ее, сходя с ума от ее леденящей прелести. Губы мои щекотали нежную шейку, ключицу, спускались ниже, ниже...

Хмель ее тела ударил мне в голову, и я позабыл обо всем на свете. Не прекращая целовать ее, я расстегнул блузку, нащупал нежную кожу под ней... Ткань понемногу сползала с плеч, тоненьких, славных, и открывала два молочных-пухлых шара, стянутых кружевным бельем...

— Не надо... — робко шептала Ксюша, когда я расстегнул сзади. — Не надо, пожалуйста, — хрипло просила она, когда я потянул бретельки с плеч, спустив белое кружево вниз и освободив шары из плена.

Выпущенные на волю, они заколыхались и уставились на меня отвердевшими пиками. Никогда я не видел такой большой и трогательной груди...

— У вас слишком роскошная грудь для директора, Ксения Эдуардовна, — говорил я, втягивая в себя нежный сосок и сдавливая пальцами другой.

Ее груди — мягкие, податливые, как колобки — вздыбились вверх и вибрировали под моими пальцами, упрямо выпирали вперед, царапали набухшим соском мне щеку... Это было невыносимо. Смертельно хотелось нырнуть в эту бессовестно-тугую плоть, окунуть туда горящий ствол, утопить его в сладком океане...

Никогда еще я не был так пьян женским телом. Ксения Эдуардовна давно уже скулила, шепча время от времени «не надо», а пальцы ее бессознательно ерошили мне волосы.

— Не бывает таких сладких директоров. Таких нежных-нежных... вкусных... — бормотал я, мучая тверденький сосочек и заставляя Ксюшу хрипеть и биться в моих руках.

Где-то там, на задворках сознания, я понимал, что все это не лезет ни в какие ворота. Да и Ксюша понимала... Но... пухлые полушария, набухшие от любви, и все Ксюшино теплое тело, полураздетое, трепещущее, и невидимые искры, трещавшие между нами — все это было и сильнее, и важнее, и... Нас тянуло друг к другу так, что мы дрожали жадной, смертной дрожью, и в ушах звенело, как перед обмороком.

... Все-таки я оторвался от нее и глянул в блестящие, сумасшедшие глаза. Ксюшенька вся растрепалась, мордочка ее была измазана растекшейся тушью, рот полуоткрыт, как у маленьких детей, когда они удивляются или переживают...

Я спросил взглядом: «да?»

— Не надо... — снова шепнула Ксюша... но взгляд ее кричал мне — «ДАААААА!...» — и я прильнул к ее губам.

Ксюша моментально ответила мне — жадно, отчаянно... подалась навстречу — и я почувствовал, что меня уже нет, а есть только губы, и языки, и тела, и неизбывная сладость, обволакивающая меня сверху донизу, как засахаренный орех...

Девочка совершенно не умела целоваться, но хотела меня так зверски, что искусала мне все губы. Мы тащили друг с друга шмотки, не прекращая поцелуя, тянули и рвали прочь проклятую ткань, пока не обожгли друг друга голыми животами и грудями. Тоненькая большегрудая Ксюша бодала меня сосками и лезла на меня, как обезьянка. Глаза ее совершенно затуманились, и язычок, ждущий моих ласк, высовывался из полуоткрытого рта, как жало. Я безуспешно пытался стащить с нее юбку, — и прохрипел:

— Помоги...

Она расстегнулась, я рывком оголил ей бедра, даже не любуясь кружевными трусиками, мокрыми, как носовой платок, — повалил ее на пол, лихорадочно рванул брюки, добыл свой агрегат, не желающий добываться из проклятых тряпок...

Голая, стреноженная Ксюша валялась на полу передо мной и с ужасом смотрела на то, что у меня между ног.

— Ножки раздвинь... Скорей, скорей, ну что ж ты... — Я развел ей ноги — и влетел с размаху в горячее, мокрое, клейкое нутро, обхватившее ствол такой сладостью, что я взвыл, как щенок...

Она хватала воздух ртом, — а я ебал ее, мял ей грудь и умирал от звериного, первобытного кайфа. Через две секунды она уже отчаянно подмахивала мне, закрыв глаза — то ли от сладости, то ли от стыда, — и плотненько обтягивала меня стенками влагалища, упругими и нежными, как вся она.

Я чувствовал благодарность всего ее женского хозяйства, распахнутого навстречу мне, как цветок навстречу дождю, — и отдавал девочке свою силу, вламываясь в нее по уши и доставая до самой ее голодной, влажной матки. Агрегат у меня и так здоровенный — а на Ксюшу он налился, как бивень мамонта. Ксюша корчилась, хрипела и выгибалась подо мной, и сжимала меня стреноженными ножками, и притягивала руками к себе, чтобы я оплодотворил ее везде, сверху донизу, с головы до ног...

Я так скакал на ней, что мы ехали по ковру ее кабинета, пока не уперлись в плинтус. Угол стены ограничил ее, и теперь я мог вламываться в нее еще глубже и плотнее — до боли в лобке и в сплюснутых яйцах.

— Вот я и загнал тебя в угол, — прохрипел я, яростно шлепая яйцами по мокрой щели. Ксюша вскрикнула и открыла глаза. Эта мысль, видно, впечатлила ее, потому что бедра ее вдруг завелись, как качели, с каждым толчком набирая обороты, а грудь выгнулась дрожащим мостиком.

Понимая, что сейчас с ней будет, и радуясь безмерной радостью за девочку, я увеличил напор, сколько это было возможно, и быстро смял руками обе ее груди. Еще, еще... и еще... не хватало последней капли, Ксюша выла белугой и смотрела на меня умоляюще, как рабыня на божество; и тогда я ухватил ее бутон, нащупал в липких складочках горошинку клитора, впился в нее пальцем, завибрировал на ней...

Вот тогда, наконец, и СЛУЧИЛОСЬ. Ксюша наливалась, набухала своей густой силой — и лопнула, и взорвалась, истекла сладкой смертью, извиваясь подо мной, как угорь.

В оргазме она пищала тоненько, смешно, по-кошачьи, и кусала губы, пытаясь запереть оргазм в себе — но он рвался из нее, и Ксюша трещала по всем швам, и наконец не выдержала — взвыла хриплым басом, стиснув меня руками и ногами и насадившись на меня до упора... Она вжалась в меня клетка к клетке, не желая потерять ни одной искры, ни одной капли семени, ни одного сперматозоида, и спазмировала всем телом, вплавленным в меня, и пожирала меня влагалищем, как дракон; а я хрипел от облегчения, осеменяя ее голодную матку...

***

Наверно, это все и решило. Двойной оргазм — такая штука, которая сближает людей раз и навсегда, что бы ни случилось потом. Если люди побыли вместе в одном теле, если они рвались едиными разрядами блаженства и боли — они вечно будут хранить в себе след этой близости, за которой только смерть...

Когда мы отходили от телесной катастрофы, лежа друг на друге, — внезапно раздался стук в дверь.

Мы взвились, как оглашенные. «Дверь-то не заперта» — шепнула в ужасе Ксюша, а я подскочил к двери, кадая остатками спермы на ковер, и быстро, как фокусник, накинул щеколду.

Уффф... Успел!

— Одну минутку! Подождите! — голос не слушался Ксюши. Он не хотел быть директорским; ему хотелось только урчать и стонать, и мяукать, и вибрировать густыми обертонами, как секунду назад...

Мы одевались в панике. Как всегда бывает, вещи не слушались нас: пуговицы не желали застегиваться, ткань не хотела налезать туда, куда ей положено... С грехом пополам упаковавшись, мы сели на стулья, приняв идиотски-официальный вид. Растрепанная, всколоченная, вся в потоках туши, наполовину слизанных мной, Ксюша выглядела

грандиозно, — да и я, разумеется, не лучше.

— Войдите!

Дверь грохнула, не открываясь... «Щеколда, блин!» — я рванул к двери, открыл...

И едва устоял на ногах.

— Андрюшка?! Ты... ты что здесь делаешь?!

— Я вам не помешал? — Андрюшка вошел в кабинет. Вид у него был неопиcуемый: хитрый, взбудораженный, и в то же время — довольный и счастливый, как у целого стада слонов. — Клавь-Семенна сказала, что уже можно.

— Клавдия Семеновна?!..

— Ну да. Она же там сидит, — Андрюшка показал в сторону приемной. — Я тут уже полчаса торчу под дверями. А она не пускает: говорит — заняты. Да ты и сам слышишь, говорит. Дай людям побыть наедине, а сам выйди, нечего тут торчать. Иди в коридоре погуляй, я тебя позову... И позвала. Говорит: вроде уже можно...

— А... а... — Челюсть у меня отвисла, и я с трудом шевелил ею. — А... чего же ты приперся? С температурой? Я же сказал тебе дома сидеть?!

— А я пришел, чтобы ты тут Ксению Эдуардовну не побил, — хитро прищурился Андрюха. — Она такая классная! Я только вчера понял... Когда папаша Анькин пришел, мордovorот конкретный, хотел меня по стене размазать — а она его за шиворот из класса!... Хоть и вдвое ниже его... Ксения Эдуардовна, папка вас не сильно того? Он у меня горячий, бешеный немножко, но вообще хороший...

Когда мы выходили из школы — втроем, держась все вместе за руки — старый вахтер внятно произнес нам вслед:

— Директор, тоже мне. Девчонка...

— Вы что себе позволяете?! Вы как разговариваете с директором?! А ну встать! Быстро!

Распустились тут! Комиссия придет — быстро вас в чувство всех приведет! Ксения

Эдуардовна, по-моему, вы слишком добры к подчиненным! — орал я, а пунцовая Ксюша снова расцветала своей невозможно милой улыбкой